

Sg. D. dòmovì и рядомъ dòmū, Sg. L. domŭ. Sg. D. dòmū возникло нефонетически на почвѣ отношенія Sg. L. rŏcě: Sg. D. rŏcě (чак. rŭci) = Sg. L. not'ŭ: Sg. D. nòtī = Sg. L. domŭ: Sg. D. x, гдѣ x = dòmū. Смѣшеніе ō- оваго и ŭ- оваго склоненій, начавшееся очень рано, ввело Sg. D. на ŭ въ систему формъ ō- оваго склоненія, и это Sg. D. на ŭ вытѣснило прежнее Sg. D. на -ŭ.

Объясненіе Эндзелина не только безусловно остроумно, но, повидимому, и наиболѣе близко къ истинѣ. Можно, конечно, много спорить о томъ, можно ли для праславянскаго языка говорить о формахъ типа dòmū. Можно, конечно, много спорить и о томъ, что содѣйствовало вытѣсненію формой vòzŭ формы vòzě. Но эти споры врядъ ли могутъ заслонить здоровую основу объясненія Эндзелина.

---

§ 65. Изъ сказаннаго о монофтонгизаціи дифтонговъ на носовой и о монофтонгизаціи дифтонговъ на гласный хотѣлось бы вывести нѣчто правоучительное.

Извѣстно, съ какой легкостью лингвисты-сравнители швыряются праиндоевропейскими и прочими интонаціями. Интонаціи—это для нихъ универсальное средство объяснить что угодно. Нѣтъ почти ни одного труднаго вопроса изъ области вокализма, куда бы не припутали интонацій: въ слогахъ съ одной интонаціей гласный давалъ одно, а въ слогахъ съ другой интонаціей тотъ же гласный давалъ другое. Въ обстановкѣ очень ограниченнаго знакомства съ праиндоевропейскими и прочими интонаціями и чрезвычайно легкаго отношенія къ различію первоначальнаго и непервоначальнаго, это швыряніе интонаціями—не наука, а игра.

Смѣю надѣяться, что хоть кто-нибудь изъ читателей вынесетъ изъ настоящей работы впечатлѣніе, что по крайней мѣрѣ въ вопросахъ прасловянскаго вокализма можно обойтись безъ злоупотребленія интонаціями.

Есть ли въ настоящей работѣ хоть одинъ случай, гдѣ бы звуковое различіе было выведено изъ интонаціоннаго различія (изъ различія длительной и прерывистой долготы)? Такихъ случаевъ нѣтъ ни одного. Въ настоящей работѣ учтено качество звука и его количество (для дифтонга количество въ цѣломъ и количество въ элементахъ)—и только.
